

Ваза на шее

Александр Кибовский

В предыдущих номерах журнала мы говорили о том, как помогают атрибуции портретов редкие иностранные награды. При довольно чёткой иерархии российских орденов в зависимости от чина и звания порою трудно идентифицировать персонаж среди кавалеров, занимавших более-менее равное служебное положение. В этой ситуации зарубежная награда, вмешиваясь в стройный русский ряд, позволяет определить, кто же всё-таки изображён на загадочном портрете.

На протяжении XVIII века иностранные награды в России являлись настоящей экзотикой. Правда, в 1742 году из Голштинии принц Пётр Ульрих (будущий император Пётр III) завёз орден Святой Анны. Но он очень скоро перестал считаться заморской диковинкой, поскольку де-факто

и Елизавета Петровна, и Екатерина II вручали его от имени наследника престола по своему усмотрению. Также при Екатерине Великой по мере разделов Речи Посполитой многие русские дипломаты, военные и фавориты императрицы получили польские ордена Белого орла и Святого Станислава. При Павле I в русскую наградную систему временно

▲ Лейб-медик Карл Христианович Даллер. Портрет 1837–1838 годов Ярославский художественный музей Раннее: портрет неизвестного

был инкорпорирован мальтийский орден Святого Иоанна Иерусалимского. Но остальные европейские награды были для русских подданных единичны.

▲ Знак кавалера шведского ордена Вазы

Активное вручение иностранных орденов военным, придворным и дипломатам началось во время Заграничных походов русской армии 1813–1815 годов. Только прусских военных крестов Pour le Mérite выдали российским офицерам почти 1,5 тысячи. Алексей Петрович Ермолов считал даже, что эти, ещё недавно очень почётные боевые ордена, «были унижены чрезвычайным размножением». С тех пор активное участие петербургского двора в европейских делах стимулировало поток наград, достигший апогея при Николае II. Во время военных конфликтов и манёвров превалировали боевые ордена для генералов и офицеров, а в период дипломатических дуэлей — династические и гражданские награды для влиятельных политиков и придворных.

Однако были в этой системе редкие исключения для людей науки и искусства. Первым такой специальный орден учредил 26 мая 1777 года в ходе коронационных торжеств шведский король Густав III. Новую награду он предназначил тем, кто «знания свои обратили к пользе отечества, приведя к совершенству земледелие, рудники, художества и торговлю. Мы желаем именовать орден сей Ваза, чтобы этим воздать честь

В центре помещён золотой сноп с двумя серпами

великим государям нашим предкам». Таким образом, новый орден получил название в честь шведской династии Ваза, и в первую очередь её знаменитого основателя — короля Густава I. Хотя среди многих его дел не заметно увлечения изящными искусствами и наукой. Эти качества как раз были присущи самому Густаву III, который имел очень дальнейшее родство с прославленной династией через прабабушку бабушки. На самом деле учреждение ордена Вазы стало симбиозом личной творческой натуры Густава III и его желания подкрепить свою коронацию авторитетом

могущественного имени. Впрочем, такая практика являлась вполне распространённой в монархической Европе при выборе титульных покровителей орденов.

Новая шведская награда стала первым специальным орденом для учёных и художников. До этого такая избирательность существовала лишь для военных. Например, учреждённый 26 ноября 1769 года российский орден Святого Георгия могли получить только генералы и офицеры. Знаменитый художник Василий Верещагин заслужил Георгиевский крест прапорщиком за реальный боевой подвиг при обороне Самарканда летом 1868 года. В дальнейшем он носил его с гордостью в петлице пиджака, хотя отрицал ордена как таковые. Но реально награждение деятелей науки и искусства изменил всё-таки не шведский прецедент, а учреждение Наполеоном в 1808 году ордена Академических пальм. С тех пор, сначала под французским влиянием, а затем самостоятельно, многие страны создали собственные специальные награды. Самый свежий пример принадлежит России: 9 августа 2021 года указом президента РФ учреждён орден «За заслуги в культуре и искусстве».

Знак шведского ордена имел оригинальную форму. Вместо привычного креста он представлял собой овальный медальон, в центре которого помещён золотой сноп с двумя серпами. Символ был взят Густавом III из династической геральдики дома Ваза, поскольку «эта фамилия в гербе своём носит

▲ Князь Ромуальд Константинович Гедройц. Портрет 1890-х годов Национальный музей Почётного легиона, Париж

Один из «чемпионов» по количеству иностранных наград, князь имел даже гавайский орден короля Кавакуа I. Несмотря на обилие почётных знаков, при дворе Гедройц считался чуть ли не за шуту. Но ему благоволил Александр II, поскольку, как вспоминал граф Сергей Шереметев, «его специальностью было ухаживанье за собачками влиятельных лиц, и он был persona gratissima у княгини Юрьевской». В музее портрет ошибочно числится изображением князя Владимира Цезаревича Гедройца.

сноп — самый ясный символ земледелия, которое мы особенно поощрять и награждать установлением сего ордена желаем как источник всех других художеств». В статуте также была нарушена привычная иерархия ношения орденовских знаков:

у кавалеров Большого креста обычно звезда на груди и лента со знаком через плечо, у командоров знак на шее, у кавалеров знак на груди. В случае же с орденом Вазы и командоры, и кавалеры носили медальон ордена на шее на зелёной ленте. Но командоры, кроме того, имели ещё звезду на груди.

Первым и единственным русским кавалером ордена Вазы в XVIII веке стал директор Академии наук Сергей Герасимович Домашнев, награждённый 16 июля 1777 года. Затем сложные русско-шведские отношения, в том числе две войны и присоединение Финляндии к России, не способствовали обмену любезностями. Ситуация изменилась лишь в 1810 году, когда кронпринцем Швеции неожиданно стал французский маршал Бернадот. Несмотря

на свою прежнюю блестящую карьеру и даже родство жены с Бонапартами, он начал сближение с Петербургом. Весной 1812 года между

Для мирного ордена Вазы было не самое лучшее время

Швецией и Россией был заключён секретный союзный договор, по которому через год шведская армия кронпринца Карла Юхана (так теперь звали Жана Батиста Жюля Бернадота) вместе с русской приняла участие в войне против Наполеона. В результате полторы сотни русских генералов и офицеров получили боевой шведский орден Меча. Оно

и понятно — à la guerre comme à la guerre. Зато для мирного ордена Вазы было не самое лучшее время. Его заслужили лишь три русских врача и два дипломата.

О столь редком шведском ордене я вспомнил в августе этого года при посещении Ярославского художественного музея. В его собрании хранится портрет неизвестного седого мужчины в чёрном фраке. На лацкане фрака можно рассмотреть две серебряные боевые медали в память Отечественной войны 1812 года и за взятие Парижа в 1814 году. То есть наш персонаж участвовал в славных походах русской армии. Ниже медалей виден знак за 45 лет беспорочной службы. Такие знаки, учреждённые Николаем I в память дня своей коронации 22 августа, стали вручать раз в го-

ду начиная с 1828 года. К сожалению, ленточка знака чётко не прописана, из-за чего не понятно, на военном (георгиевская ленточка) или на гражданском (владимирская ленточка) поприще прошли годы выслуги. Тем не менее ясно, что перед нами ветеран, начавший карьеру ещё в конце XVIII века.

Рядом с медалями приколот белый прусский орден Красного орла 3-го класса. За ним виднеется на груди фрака звезда ордена Святого Станислава. Из-под расстёгнутого жилета пестрит гирлянда крестов Святого Владимира 3-й степени, Святой Анны и Святого Станислава 2-й степени. В целом по наградам можно было бы принять седого ветерана за отставного полковника или

▲ В медицинской палатке на Бородинском поле. Иллюстрация к роману «Война и мир» Александра Апсита, 1912 год

▲ Доктор медицины и хирургии Лука Егорович Пикулин. Портрет ок. 1820 года. Государственный музей А. С. Пушкина. Ранее: портрет неизвестного

генерал-майора. Но в череде шейных знаков последним висит овальный медальон ордена Вазы на зелёной ленте. Между тем среди его кавалеров, как уже говорилось, не было военных!

Тут следует сказать, что 22 декабря 1813 года Александр I разрешил помимо военных награждать серебряной медалью в память Отечественной войны 1812 года священников и врачей, «кои действительно находились во время сражений под неприятельским огнём». Кроме них, «решительно никто не должен носить медалей». Таким образом, среди русских кавалеров ордена Вазы два дипломата отпадают. Из трёх врачей Илья Энегольм не участвовал в Отечественной войне, а Лука

Пикулин умер задолго до начала вручения беспорочных знаков (знаков отличия беспорочной службы. — Ред.). В результате остаётся только Карл Даллер, который действительно имел все показанные на портрете награды.

Карл Христианович Даллер родился 5 ноября 1768 года и начал свою медицинскую службу ещё при Екатерине II. В 1809 году он стал штаб-лекарем лейб-гвардии

Артиллерийского батальона, командиром которого числился граф Аракчеев. С тех пор судьба доктора оказалась надолго связана с всесильным временщиком. Заслужив его доверие, он после боевых походов 1812–1814 годов получил в 1816 году звание лейб-медика, а с 1821 года стал главным доктором военных поселений — любимого дитя Аракчеева. Граф поселил Даллера у себя в имении Грузино, где он, кроме службы, выполнял обязанности домашнего врача. Карл Христианович ненадолго пережил своего сиятельного пациента и умер 2 июня 1838 года. Судя по наградам, портрет написан не ранее 1837 года и, возможно, является посмертным.

В Государственном музее А. С. Пушкина хранится ещё один портрет кавалера ордена Вазы, у которого овальный медальон на зелёной ленте виден под «Анной на шее». В петлице фрака приколоты орден Святого Владимира 4-й степени, серебряная и бронзовая медали в память

Отечественной войны 1812 года. Поскольку лишь два русских кавалера ордена Вазы участвовали в «грозе двенадцатого года» и перед нами точно не Даллер, следовательно, на портрете изображён второй участник — военный врач Лука Пикулин.

Лука Егорович Пикулин родился в 1787 году в семье священника Тверской губернии. В 1807 году он окончил лучшим Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. Его имя первым было выбито на почётной мраморной доске, открыв новую традицию академии. Пикулина назначили адъюнкт-профессором и ординатором в столичный госпиталь. Но в 1808 году генерал Тормасов, уезжая главнокомандующим на Кавказ, забрал Пикулина с собой. До 1811 года он служил старшим лекарем 15-го егерского полка в Грузии, где ему довелось бороться с чумой.

После возвращения в Петербург штаб-лекарь Пикулин был назначен правителем канцелярии баронета Виллие, который руководил всей военно-медицинской службой. Вместе с ним он совершил славные походы 1812–1814 годов. Во время сражений Пикулин оперировал раненых, организовывал их перевязку и эвакуацию. На него обратил внимание Александр I, что вызвало ревность Виллие. В результате он удалил Пикулина от двора, назначив его главным врачом русского оккупационного корпуса во Франции.

После вывода войск Пикулин поселился с 1819 года в Москве, где стал учёным секретарём и профессором Московского отделения Императорской медико-хирургической академии. В городе он пользовался большим уважением и имел широкую практику. Умер Лука Егорович 22 декабря 1825 года и был похоронен на Лазаревском кладбище, уничтоженном в 1930-х годах. Его сын Пётр Лукич Пикулин пошёл по стопам отца и тоже стал известным врачом в Москве. ▼

Автор — руководитель департамента культуры города Москвы, кандидат исторических наук